

ЕЛЕНА ИВАНОВНА БАРУЛИНА — ЖЕНА Н.И. ВАВИЛОВА

Жены великих ученых — великие жены, именно в них всегда находят спасение и надежду, радость и утешение. Женам уготовано тяжелое бремя ответственности, удач и неудач, горя и славы своих талантливых супругов.

Леночку Барулину (Вавилов называл ее Еленой Ивановной, но она была тонка, хрупка, женственна, по воспоминаниям современников, и Леночкой ее звали многие) Вавилов ценил за сообразительность и старание и с гордостью следил, как тихая студентка на его глазах превращается в ученого. Но со временем ее преданность науке и ему трогала его все сильнее. И произошло объяснение...

А вскоре он уехал по делам в Петроград. А Елена Ивановна осталась одна, наедине со своими мыслями и с его письмами...

Елена Ивановна написала ему. О том, что не так все просто, как ему кажется. Что люди, как обычно, в первую очередь осудят... Что он слишком влюблен в науку, чтобы она, Елена Ивановна, могла претендовать на важное место в его сердце, что привязанность его может оказаться мимолетной — ведь он такой увлекающийся...

Письмо ее не сохранилось. Но смысл ясен по ответу Вавилова:

«27/XI [1920]. Ночь. Собираюсь в Саратов. Вчера <...> получил твое письмо. Милый друг, тебя тревожат сомнения о том, что пройдет увлечение, порыв. Милый друг, я не знаю, как убедить тебя, как объективно доказать тебе, что это не так. Мне хочется самому отойти в сторону и беспощадным образом анализировать свою душу.

Мне кажется, что, несмотря на склонность к увлечению, к порывистости, я все же очень постоянен и тверд. Я слишком серьезно понимаю любовь. Я действительно глубоко верю в науку, в ней цель и жизнь. И мне не жалко отдать жизнь ради хоть самого малого в науке. Бродя по Памиру и Бухаре, приходилось не раз быть на краю гибели, было жутко не раз <...>. И как-то было даже в общем приятно рисковать. Я знаю, как мне кажется, немного науку, имел возможность, счастье быть близким к первоисточникам ее. И она, служение ей, стало жизнью. И вот потому, Лена, просто как верный сын науки, я внутренне не допускаю порывов в увлечениях, в любви. Ибо служение науке не мирится с легким отношением к себе, к людям. Слишком серьезно относишься и к себе и к людям. И просто не допускаешь внутренне порывов и мимолетных увлечений.

Мне кажется, что немного, что успешно доведено до конца, та маленькая доля научной работы, которую удалось осуществить, свидетельствует о постоянстве, и объективно я его сам признаю, и мне кажется, я умею относиться достаточно критически и к самому себе.

Милый друг [я достаточно владею собой], ты знаешь, что в моем положении не легко и нельзя увлекаться мимолетно и с юношеских лет как-то выработалось серьезное отношение к жизни, а годы его закрепили. Осуждение коснется, пожалуй, в большей мере меня.

При всей готовности отдать себя науке, а это так, в сущности, просто и легко, жизнь сама становится легче, мне кажется, что нет узости в пути, по которому мне хочется идти в союзе с тобой. Самую науку я представляю широко, может быть, даже слишком широко (слишком большая широта может привести и к ненауке), малое хочется соединять с великим, в этом смысл

мало и его интерес, и для этого за малое в науке можно отдать жизнь. Я никогда не боялся, и ничто не убедит в узости нашей научной работы. Жизнь также влечет, и в этом у нас не будет расхождения. Хочется все видеть, знать. И как-то выработалось умение быть внимательным ко многому. Думаю, что в утверждении этого объективен.

Требование к уюту не велико, я, правда, не привык все делать сам, хотя и умею, если это совершенно необходимо. И в этом у нас не будет разногласия — в этот убежден. Я вообще не знаю, в чем оно будет. Жизнь должна быть и внешне и внутренне красива. И ты это разделяешь. Поэтому-то, мне кажется, союз наш будет крепким и прочным. Мне так хочется, чтобы это было так. Перед этим были [постоянные] частые почти разногласия, я их не углублял и объективно считаю, что снисходителен и уживчив.

Вот, Леночка, то, что хочется сразу ответить тебе. Может быть, это не убедительно, не достаточно, но ты это скажешь.

Вчера было рождение. 33 года. Мне почему-то постоянно приходит [на ум] начало [из] Данте: «Nel mezzo del camin di nostra vita...» «На полдороге жизни трудной (хотя она и не очень была трудной, каюсь), забрел я в темный лес, дремучий лес...».

И вот из этого леса надо выйти. И мне кажется, мы выйдем. Лес трудный, но разве есть лес, из которого нет пути?

Твой N.»

Дальше приписка — ответ еще на одно письмо Елены Ивановны:

«29/XI. Уже на пути прочел твое последнее письмо от 18-го. Милая и прекрасная Леночка, после всех писем, после всего, что узнал, а конечно, для меня все это было новым, неизвестным, ты стала еще ближе, дороже для меня.

<...>Жизнь надо делать самим такой, как хочется, радостной, бодрой, прекрасной<...> Когда есть бодрость, смелость, удастся то, что не удается обычно, что трудно.

Пусть приходит сомнение, без него нет и решения, пусть приходит и грусть и уныние, но на минуту, не больше.

Твой N.»

Из письма видно, что Вавилов решил всё для себя. Он тверд и настроен решительно строить жизнь так, как он теперь хочет и понимает. И как странно и естественно в это любовное письмо к женщине вплетается объяснение в любви... к науке! За письмом — чувства, мысли, предшествующая жизнь.

Вавилова все всегда считали по натуре бодрым, веселым. Нет, он таким не родился — он умел быть жизнерадостным.

Была трудная, но счастливая жизнь, до трагедии 1940 года — до ареста.

Кто отвернулся, кто-то перестал здороваться, кто-то остался. Кто-то помогал и этим спас жизнь жене и сыну. Например, подруга Елены Ивановны, Галина Сергеевна Карпеченко, пригласила их в мае 1941 г. в подмосковное Ильинское. Это, как оказалось потом, и спасло их от голода и гибели, останься они в блокадном Ленинграде.

Юрий Николаевич не мог не видеть страданий своей матери, стремящейся узнать, где ее муж.....

Елена Ивановна родилась в Саратове 25 июля 1895 г. в семье служащего. Там окончила женскую гимназию с серебряной медалью, а в июле 1919 г. Саратовский университет, получив звание ученого агронома. Уже в студенчестве

отличалась качествами будущего исследователя, показав себя пытливым, глубоко думающим, деятельным человеком, что разглядел и Н.И. Вавилов. Её качества проявились в опытнической работе, научных экспедициях, а затем и в ВИРе. Период жизни Елены Ивановны, связанный с студенчеством, сыграл роль в ее становлении как будущего ученого вавиловской школы. Студентке III курса Вавилов для изучения предложил чечевицу и вику.

В 1922 г. она выступала на III Всероссийском съезде по селекции и семеноводству, готовила раздел, посвященный дыням, для книги Н.И. Вавилова «Полевые культуры Юго-Востока». Переехав в Петербург, она вместе с В.С. Муратовой возглавила отдел бобовых растений ВИРа, которым позже руководил Л.И. Говоров, выпускник МСХИ и друг Вавилова.

Елена Ивановна активно участвовала в опытных «географических посевах» в Крыму и заповеднике Аскания-Нова, в Грузии и Армении, наблюдала за посевами в Украинском отделении института растениеводства. Для накопления опыта и знаний знакомилась с деятельностью зарубежных растениеводов и генетиков в научных командировках (Германия и Италия), где собирала материалы для коллекций ВИРа. Но основными ее культурами были чечевица и пшеница. Особенно ее интересовали проблемы происхождения, географии, систематики, генетики и агрономии чечевицы, результатом чего явился ряд научных изданий, а также монография «Чечевица СССР и других стран» (1930).

С 1931 г. Елена Ивановна работала в лаборатории генетики, руководимой Г.Д. Карпеченко, занимаясь исследованием генетической дифференциации географических рас культуры чечевицы, систематикой и генетикой пшениц.

Быть женой директора института — тяжелое испытание для его сотрудницы. От нее требуется большой такт, врожденная чуткость и главное — настоящая любовь и полное понимание всех сложностей, которые могут возникнуть от любого ее неосторожного поступка. Елена Ивановна, бывшая много лет верной спутницей Николая Ивановича, его помощницей и советчицей, была безупречна. Об этом свидетельствуют и отзывы сослуживцев, и многочисленные письма Николая Ивановича, проникнутые любовью и вниманием.

Но была еще одна сторона их взаимоотношений: от жены Николая Ивановича требовалось подлинное мужество в трудные годы беспощадной травли, завершившейся арестом. Августовская катастрофа оказалась для нее неожиданной. Начался период полной неизвестности.

Эвакуировавшись в родной Саратов, она и не знала, что спустя несколько месяцев туда этапировали Вавилова. Живя в 15 мин ходьбы от тюрьмы, где мучительно умирал муж, Елена Ивановна на деньги, посылаемые Сергеем Ивановичем Вавиловым для нее и сына, собирала продуктовые посылки и отправляла их в Москву, думая, что муж продолжает находиться там, и надеялась, что это поможет ему выдержать тюремный режим. Летом 1943 г., вскоре после приезда в Саратов старшего сына Николая Ивановича, Олега, Елена Ивановна узнала о гибели своего мужа. Это известие она скрывала от своего сына.

«В годы войны мы оказались без теплой одежды, почти без денег, — пишет в своей книге «В долгом поиске» Юрий Николаевич Вавилов. — Спас нас Сергей Иванович (брат отца, будущий Президент Академии наук СССР). Он стал посылать маме денежные переводы и даже каким-то образом передал обувь для меня. Такая помощь в годы войны была неоценима». А вот что сообщил писатель М. Поповский в книге «Дело академика Вавилова»: «Селекционер из Днепропетровска И.С. Чернобривенко, встретив Барулину в Саратове летом 1942 года, вспоминает, что выглядела жена Вавилова до крайности истощенной, одета была нищенски». Елена Ивановна после ареста мужа ездила в

Москву, в Прокуратуру СССР, пыталась доказать необоснованность осуждения Н.И. Вавилова.

Известно, что Елена Ивановна вышла на пенсию по инвалидности. Членам семьи врагов народа пенсию не платили, но она сумела дожить до реабилитации Н.И. Вавилова (1955). Ее не стало через два года после этого. Она умерла в Большеве, где и была похоронена. Жена гениального ученого, несмотря на инвалидность, до последних дней своей жизни боролась за честное имя выдающегося исследователя и организатора науки и сумела выпустить том работ своего мужа. Она вела тяжелую борьбу за реабилитацию Н.И. Вавилова, а также за возвращение имени Великого ученого из забвения.

Ниже публикуются три неизвестных письма Н.И. Вавилова к Елене Ивановне Барулиной, любезно предоставленных Юрием Николаевичем Вавиловым.